

Глеб Иванович Успенский

С конки на конку

Глеб Иванович Успенский

С конки на конку

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665135*

Аннотация

«...В очерке отразились личные наблюдения Успенского. В 1879–1880 годах писатель периодически бывал в Петербурге, где проживал на рабочих окраинах, о которых повествуется в очерке. Созданный в годы, когда определяющей в творчестве писателя была крестьянская тема, очерк свидетельствует о непрерывном внимании Успенского к городскому «чернорабочему народу». ...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глеб Иванович Успенский

С конки на конку

I

...У Иоанна Предтечи, на Лиговке, – храмовой праздник. Это праздник преимущественно чернорабочего народа, праздник мелкого торговца, словом – праздник людей «серых», работающих; вся Лиговка – длинная, в несколько верст улица, – как известно, населена именно этим серым рабочим народом; здесь квартиры и дворы легковых и троечных извозчиков, сенные склады, постоянные дворы для приезжих подгородних крестьян, масса кабаков, портерных, закусовых, съестных и т. д. Как бы дополнением, продолжением Лиговки служат с одной стороны Обводный канал, пересекающий ее почти в конце (если идти от вокзала Николаевской дороги) и на всем своем громадном протяжении густо обстроенный всевозможными фабриками и заводами и населенный тысячами чернорабочего народа, с другой – та же рабочая окраина Петербурга, центром которой можно считать Лиговку, – продолжается за Николаевский вокзал по тому же Обводному каналу, Шлиссельбургской дороге, далеко по Неве за село Рыбацкое... На всем этом пространстве не одного десятка верст, когда-то разделявшемся на слободы, села

с приходами, а в настоящее время слившимся в одну сплошную линию заводов и рабочих помещений, между рабочим народом образовалась какая-то связь, одинаковость интересов, работ и забот... Конно-железные дороги, соединяющие село Рыбацкое – дальний пункт Шлиссельбургской дороги, с Нарвской заставой – дальний пункт Нарвского тракта, еще более развили потребность общения, вытекающую из одинаковости условий стотысячной массы народа, расселившейся по петербургской окраине. Неудивительно поэтому, что храмовые праздники, празднуемые приходами разных церквей, расположенных на этой рабочей дороге, делаются мало-помалу праздниками как бы общими для всей многотысячной рабочей колонии... Из-под села Рыбацкого едут праздновать к Нарвской заставе, на Митрофаниевское кладбище; из-под Нарвской заставы, пересаживаясь с конки на конку, добираются в гости в село Рыбацкое, в Смоленское, Александровское. Конно-железные дороги очень много содействуют удобствам передвижения на таких дальних расстояниях. Церковь Ивана Предтечи, находясь почти посредине длинной линии, идущей по рабочей окраине Петербурга, привлекает особенно много любителей погулять. В описываемый мною день вагоны конно-железных дорог, усиленные количеством, ежеминутно подвозили «к празднику» с отдаленнейших окраин массы рабочего народа; еще большие массы шли пешком, напирая всё в одну точку, к Новому мосту – что у самого храма; часам к двум все переулки, все ули-

цы, прилегающие к Лиговке и Обводному каналу, все кабаки, все харчевни – все было переполнено народом; берега Обводного канала, обыкновенно весьма неприветливые, кое-где только покрытые тощей, ободранной растительностью, вытоптанной столичными бурлаками, обыкновенно бечевою передвигающимися по каналу небольшие суда с разными, преимущественно строительными, материалами, – эти пустынные берега по случаю праздника были буквально завалены народом; тут и сидели, и лежали, и спали, и «валялись» в той случайной позе, в которой свалил подгулявшего человека хмель. Немало «валялось» в таких «невольных» позах и женщин и даже малых ребят из мастеровых лет по тринадцати; много было и таких, которые сидели «тихо-благородно», одевшись в новые ситцевые сарафаны и рубашки и скромно пощелкивая подсолнухи; но много было и крика, и говора, и шума; вагоны с трудом пробирались в этой сплошной толпе, наполовину отуманенной вином, в этой толпе обнимавшихся, шатавшихся, падавших и прямо валившихся лошадям под ноги... Неумолкаемый звонок кондуктора едва был слышен в море всевозможных звуков, криков, песен, брани... Брань в особенности энергическая, а главное, почти беспрерывная шла между кондукторами вагонов и публикой... Спорили и ругались из-за сдачи, из-за мест. Поминутно изо всех сил, до хрипоты, кондуктора вопияли: «Ведь русским языком говорят: нет местов! Куда лезешь, говорят: местов нет! Тебе говорят: не позволяется стоять! Вот позо-

ву городского... Что это такое?» и т. д. без конца. Именно вот в такой-то шумной, тесной, крикливой компании мне пришлось ехать на верхушке конки, подвозившей рабочую публику от Нарвской заставы к Иоанну Предтече, празднику. Ехал я не вследствие какой-либо необходимости, а единственно вследствие желания как-нибудь искусственно утормить себя, *измаять* — желание весьма странное, подумает читатель. Желание точно странное; но кто из провинциалов, заброшенных на долгие годы в столицу, не переживал по временам минут необычайной тоски — и не собственно по родине, а по чему-то уже почти позабытому, что столичная жизнь уже выела, но что *вдруг* становится ужасно жаль, так жаль, что не знаешь, куда деться. В такие минуты это почти позабытое, это спрятанное в самый темный угол глуши, это ненужное в столичной суете, беготне, хлопотах вдруг выйдет из своего темного угла, заропщет и застыдит тебя... Особоливо в последние годы; кроме полузабытого прошлого, и настоящее ежедневное снедало петербуржца (да и не одних петербуржцев) ужасающею тоскою. Бывали минуты смертоубийственного холода, которым дышала жизнь, и в такие минуты тоска доходила до полного отчаяния. Вот в такие-то минуты необходимо было предпринять что-либо механическое, чтобы согреться, оттаять, очувствоваться, чтобы «забыться и заснуть», заснуть в буквальном смысле, то есть умаять себя и свои нервы так, чтобы нельзя было не заснуть... В одну из подобных минут я сел на верхушку конки, хорошо не

помню где, и доехал по линии до конца, а там пересел на новую и поехал дальше... Толпа, чужие люди, чужие речи, толкотня, физическая усталость – все это было хорошо, как искусственное размыкивание тоски...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.